

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
Ленинградское отделение

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

ХУШ ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ
ЛО ИВ АН СССР
(доклады и сообщения
по Танскому Китаю)

Часть III

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1985

характер китайских источников таков, что они не дают достаточно материала для решения этой важной проблемы, которая волнует как китайских историков, так и историков Китая за его пределами. Старые китайские кодексы сохранили то, что не попало на страницы династийных историй, не нашло полного отражения и в другой китайской литературе. Поэтому так важно изучение зафиксированной в них социальной стратификации общества, тех явлений, которые, будучи признаны правовым сознанием общества и действующим материальным правом как действия преступные, разрушали сложившийся социальный порядок. Борьба с похищениями людей как раз одно из таких явлений. Похищение людей лично свободных и продажа их в рабство нарушали основы существующего порядка, один из центральных принципов традиционного китайского права: "гэ цун бэнь сэ" – "каждый следует своему исконному социальному статусу". Свободный должен был оставаться свободным, а раб – рабом. Поэтому – то похищение лично свободного человека каралось столь сурово, что это было преступление не просто против данной конкретной личности, это был подрыв основ существующего строя. Похищение же раба или другого лично несвободного человека было кражей имущества рабовладельца, как правило, представителя господствующего класса, или ограблением казны, государства как рабовладельца особого рода, что, уж, тем более, при той роли, которую играло государство в традиционном Китае, было актом преступным, непосредственным покушением на интересы господствующего класса и его наивысшего представителя – монарха.

Источник

1. Гу Тан луй шу и, изд. "Сы бу цун кань". Шанхай, 1923.

В.М.Рыбаков

ФУНКЦИЯ, СТАТУС И ПЕРСОНА В ТАНСКОМ ПРАВОВОМ МЫШЛЕНИИ

В данной статье на материале "Тан луй шу и", касающемся различных аспектов правозащитности чиновников, предпринимается попытка рассмотреть ценностное соотношение функции человека, его статуса и его персоны, как они понимались в танском праве.

Статья "Десять зол" кодекса дает перечень преступлений, считавшихся наиболее нетерпимыми. Не за все указанные в этом перечне преступления полагалась смертная казнь, но наказание за них всегда сопровождалось разжалованием, которое, даже при смертной казни,

ужесточало наказание, лишая потомков преступника права пользоваться его посмертной "тенью". Кроме того, такое наказание практически никогда не могло быть прощено, уменьшено или зачтено.¹

Шестое из десяти зол включает действия, демонстрирующие недостаток почтения по отношению к императору. К Седьмому и Восьмому относятся преступления, совершенные внутри кровнородственных коллективов младшими их членами. К Девятому же – преступления, совершаемые внутри некровнородственных иерархически организованных социальных групп. В данной статье мы читаем: "Шестое называется Великой непочтительностью. Разъяснение: имеется в виду... сопротивление распространяющим императорский эдикт посланцам...". И далее: "Девятое называется Нарушением Долга. Разъяснение: имеется в виду убийство своего администратора, своего начальника округа, своего начальника уезда, или наставника, давшего образование; убийство имеющего пятый или более высокий ранг старшего чиновника подведомственным ему низовым служащим или рядовым; а также сокрытие кончины мужа женой и не проявление скорби о нем, равно как игра на музыкальных инструментах, замена траурного одеяния на то, которое носят в благополучии, а также вторичное замужество в период траура по мужу".²

Объекты преступлений сгруппированы здесь отнюдь не по социальному статусу обвиняемых. В один список попали посланцы, не имевшие сколь-либо высоких рангов; начальники административных единиц, ранг которых колебался от третьего до седьмого; начальники учреждений, имевшие ранги от пятого и выше; служащие в государственных учебных заведениях наставники, вне зависимости от их ранга, и даже главы семей – мужья. Правда, посланцы упомянуты в другом Зле, но в дальнейшем кодекс ставит их в один ряд с остальными, что дает и нам право причислить их к этому качественно единому ряду по принципу единства выполняемых перечисленными людьми функций. Каждый из них занимал главенствующее положение в определенной социальной ячейке, созданной или хотя бы санкционированной государством. Каждый из них являлся локальным центром социального и морального упорядочивания. Так, начальник округа или уезда, вне зависимости от ранга, в силу своей функции являлся ретранслятором благого императорского влияния. Однако посланец, который мог быть значительно ниже по рангу и социальному положению, ретранслировал воздействие императора непосредственно, и в силу выполняемой функции на момент ее выполнения принимал на себя роль упорядочивающего центра – поэтому перечень начинается именно с посланцев.

Конкретизируя меры пресечения посягательств на безопасность

перечисленных людей, кодекс объединяет посланцев, администраторов, начальников административных единиц и имеющих ранги от пятого и выше начальников учреждений, вынося наставников и мужей в другие статьи. Полная качественная однотипность функций приписывается, как из этого можно заключить, все же только различным типам руководящих чиновников, однако предшествовавшее включение в этот список наставников и мужей помогает более глубоко понять, как представлялась тогда природа этих функций.

Предписывая меры пресечения, кодекс, как обычно, делает различие между умыслом убийств и различными стадиями его реализации, с одной стороны, и, с другой, преступлениями, целью которых убийство не являлось. Тяжесть наказания за насильственные действия второй группы значительно уменьшалась.

Еще более уменьшалась она в тех случаях, когда аналогичные преступления совершались против аналогичных лиц не подведомственными им преступниками. Наконец, относительных минимумов она достигала, когда преступления совершались простолюдинами против посторонних им простолюдинов.

1. Объект преступления - распространяющий эдикт посланец, свой администратор, свой начальник округа или уезда, свой начальник учреждения, имеющий ранг от пятого и выше: нанесение побоев - 3 года каторги, нанесение телесного повреждения - ссылка на 2000 ли, нанесение увечья - удушение, убийство в драке - обезглавливание (Десять зол), умысел убийства - ссылка на 2000 ли, нанесение телесного повреждения в ходе его реализации - удушение, умышленное убийство - обезглавливание (Десять зол).

2. Объект преступления - посторонний чиновник I-3 ранга, или человек, имеющий почетную должность I-2 ранга, или аристократ I ранга: нанесение побоев - 2 года каторги, нанесение телесного повреждения - 3 года каторги, нанесение увечья - ссылка на 2000 ли, убийство в драке - удушение, умысел убийства - 3 года каторги, нанесение телесного повреждения в ходе его реализации - удушение, умышленное убийство - обезглавливание.

3. Объект преступления - посторонний чиновник 4-5 рангов: нанесение побоев - I год каторги, нанесение телесного повреждения - 2 года каторги, нанесение увечья - 2,5 года каторги, убийство в драке и т.д. - как в п.2.

4. Объект преступления - посторонний чиновник 6-9 рангов: нанесение побоев - 80 ударов тяжелых палок, нанесение телесного повреждения - 80 ударов тяжелых палок, нанесение увечья - 2 года каторги, убийство в драке и т.д. - как в п.2.

5. Объект преступления – посторонний простолюдин: нанесение побоев – 40 ударов легких палок, нанесение телесного повреждения – 60 ударов тяжелых палок, нанесение увечья – I год каторги, убийство в драке и т.д. – как в п.2.

Отчетливо видно, что единого понятия неприкосновенности личности в танском праве не существовало. Степень этой неприкосновенности, даже вне кровнородственных коллективов, зависела от рода социальной связи, соединявшей личность жертвы и личность преступника. Между двумя крайними вариантами: строго вертикальной связью "император – подданный", являвшейся стержнем как функциональной, так и статучиональной иерархии, и строго горизонтальной, нейтральной связью "посторонний подданный – посторонний подданный" лежал целый спектр диагональных связей, одни из которых приближались к вертикали, другие – к горизонтали. Степень правовой защищенности чиновника колебалась в широких пределах, во-первых, в зависимости от выполняемой им по отношению к преступнику социально значимой функции, и во-вторых, от его собственного ранга, то есть социального статуса.

Действительно, последние четыре последовательности можно назвать качественно единообразными. За исключением одного случая использования ссылки в них фигурируют только наказания каторгой и битьем за различные степени побоев, а убийство в драке и умысел убийства с различными стадиями его реализации наказываются одинаково. Первая последовательность стоит особняком: в ней лишь раз упоминается каторга; смертная казнь появляется раньше, чем в других, уже при нанесении увечья; умысел убийства наказывается гораздо строже; убийство же, как умышленное, так и в драке, относится к Десяти злам. Характерно и то, что в первом случае наказания предусматриваются независимо от ранга жертвы, в то время как четыре другие последовательности являются, по сути, разновидностями одной и той же, дифференцированными в зависимости от этого ранга. Это значит, что лишь когда отсутствовала функциональная связь между объектом и субъектом преступления, их статучиональное соотношение начинало приниматься во внимание и доминировать при определении наказания. Функциональная иерархия оказывается куда более значимой, нежели иерархия статучиональная.

Неразрывно связана с охраной неприкосновенности чиновника неприкосновенность того, что составляло основу специфичности его социального положения – неприкосновенность права на занятие должности. Кодекс гласит: "Всякий, кто подделал занятие должности, подложно дав человеку должность, или подложно получив должность, наказывается ссылкой на 2000 ли".³ В комментарии разъясняется, что

имеется в виду, например, подделка приказа о назначении, или приобретение каким-либо образом удостоверения на должность, законным путем выданного другому человеку, и т.д. Именно эта правовая норма охраняла привилегированный социально-правовой статус чиновничества. Предусмотренное здесь наказание лежит у максимумов строгости всех ранее упоминавшихся наказаний. Лишь убийство (которое и в случае с обычным убийством каралось смертью) да преступления, направленные против функционально связанных с преступником чиновников, наказывались тяжелее. Характерно, что данная статья тоже не вводит градаций в зависимости от высоты ранга незаконно полученной должности.

Вышеприведенные правовые нормы можно разделить, во-первых, на охраняющие функцию должностного лица, во-вторых, на охраняющие его статус, и, в-третьих, на охраняющие его персону, его физическое состояние. Тяжелее всего наказывалось посягательство на социальную деятельность, как правило - вне зависимости от ранга действующего лица, затем - на статус (следовательно, на сопряженные с ним особые экономические и правовые состояния), опять-таки вне зависимости от его определяемой рангом высоты, и легче всего - посягательство на персону чиновника, причем здесь строгость наказания сильно варьировалась в зависимости от ранга жертвы. Идея функции явно доминирует над идеей статуса, а идея статуса, в свою очередь, подчиняет себе идею персоны. Сама же персона вне статуса просто не мыслится.

Функция лидера той или иной социальной ячейки сводилась к ретрансляции распространяемого императором на эту ячейку небесного влияния, к сопричастности вселенским процессам. Поэтому вполне понятна доминирующая роль социальной функции и вторичная роль статуса, то есть совокупности социально-правовых характеристик. Выполнение организаторских функций требовало определенных условий - статационального роста в зависимости от успехов деятельности, и правовых привилегий. Выполнению однообразной физической работы соответствовали другие условия деятельности - личная несвобода, прикрепленность к месту выполнения функции, статациональная неподвижность. Для конкретной персоны принадлежность к определенному статусу означала необходимость выполнять свойственные данному статусу функции. Однако с абстрактной, теоретической точки зрения последовательность была прямо противоположной: необходимость выполнения той или иной социальной функции приводила к конструированию юридических условий ее выполнения, а затем данный участок социального пространства так или иначе заполнялся функционирующими едини-

цами.

Не исключено, что все эти соображения могут помочь более глубоко понять смысл известного термина "сэ" – буквально, "цвет" – который и на Западе, и у нас часто переводят словом "статус". Если идея функции доминировала в мышлении той эпохи, именно с ее помощью должно было производиться выделение тех или иных групп. Действительно, судя по текстам Танского кодекса, "сэ" объединяет, как правило, тех, кто в определенный промежуток времени осуществляет одно и то же социально и юридически значимое действие – служит, вступает в брак, пользуется по той или иной причине той или иной привилегией. Различия в смысловых нагрузках термина, очень точно выявленные Е.И.Кычановым и подразделенные им на четыре группы,⁴ могут быть объяснены различной длительностью действия, по которым в различных случаях проводилось группирование. Когда действие стабильно, текст подразумевает временную характеристику "всегда" – например, "всегда в период службы во вспомогательном штате". Здесь смысл термина будет приближаться к смыслу термина "сословие", т.к. более короткие, случайные и разнообразные действия, разделяющие людей на группы более мелкие и имеющие меньшее отношение к социальной организации, останутся вне поля зрения. Когда действие кратковременно, текст подразумевает "в такой-то момент", например, "в момент вступления в брак", "в момент распространения императорского эдикта". Здесь долговременные "сэ" будут дробиться, внутри всех сословных "сэ" одновременно возникнут "сэ" вступающих в брак и т.д.

В пользу такой трактовки говорит и еще одно, правда, косвенное, подтверждение. Масштаб статьи не позволяет остановиться на нем подробно, но дело в том, что эффект ситуационного возникновения был, по-видимому, вообще характерен для правовой мысли традиционного Китая. Например, "тьнь" в зависимости от требований ситуации срабатывала то в статучинальной функции, определяя образ жизни того, кто ею пользовался, то в должностной, давая определенной высоте допуск для занятия должности, то в правозащитной, предоставляя возможности подачи прошений, уменьшения наказаний или откупа. Аналогично, по требованию ситуации, генерировал многие особые состояния и сам чиновничий ранг.

Подобное понимание, возможно, будет способствовать прояснению некоторых неясностей. Становится понятным, например, отмеченное Е.И.Кычановым отсутствие параллельного термину "цзянь сэ" (сословие лично зависимых) термина "лян сэ"⁵. В свете вышеизложенного термин "цзянь сэ" можно понять, как "группы, всегда выполняю-

щие социально незначительные функции". Их сопричастность ретрансляции благих влияний одинаково равна нулю, вне зависимости от их конкретных занятий, поэтому функционально они сливались. Сопричастность же лично свободных людей была качественно разнородна, и их функции не сливались при любом уровне абстрагирования.

Задолго до Тан китайцы знали дисперсию света и придавали ей большое философское значение. Нидэм цитирует трактат "Ши-цзы", относящийся, вероятно, ко временам Чжаньго: "Пять цветов солнечного света есть сущность стихии Ян, им уподобляются добродетели вана...".⁶ Неизменное, независимое от внешних условий обнаружение солнечным светом сложной цветовой структуры должно было производить сильное впечатление. Дело в том, что цвет – абстракция: внутри единства (света, то есть одной из основных форм благого влияния Небес) он как бы не существует, и в то же время незримо и постоянно присутствует, обеспечивая целостность всего единства. С этой точки зрения функция, например, желтого цвета – вовсе не быть желтым; обретение им своей конкретной характеристики – желтизны – есть момент его отрыва от единства, распада единства. Общество, стремящееся к гармонии, могло мыслиться аналогично. Проявление каждой функциональной группой своего действия, столь же жестко и неизменно определенного, сколь неизменны цвета спектра, должно было давать гармоничную и естественную жизнь всему социальному организму. Сэ – не мертвая рамка, но непрерывный и неизменный процесс. Покуда он происходил правильно, надобности в выделении "сэ" не возникало, и для позитивных рассуждений хватало органического, статичного деления на ученых, земледельцев, ремесленников и торговцев. Однако тот или иной "сбой", стремление избежать "сбоя" (чем и является уголовное право) в работе функционирующих единиц приводили к необходимости рассмотреть действия этих единиц конкретно, прежде всего – назвать эти действия и обусловленные ими обязанности, причем именно те, которые могли быть выполнены неправильно. Поэтому термин "сэ" стал употребляться именно в связи с нарушением гармоничного исполнения социальных функций различного масштаба и длительности, когда требовалась повышенная точность и избирательность, т.е. стал термином юридическим, а не социологическим.

1. Подробнее: см.: В.М.Рыбаков. Правовые привилегии и понятие "тени". – Общество и государство в Китае. М., 1981.

2. "Тан люй шу и", ст. 6.

3. Там же, ст. 370.

4. Е.И.Кычанов. Проблемы сословно-классового анализа общества Тан (УП-Х вв.). – Социальные организации в Китае. М., 1981.

5. Там же.

6. Needham, Joseph. Science and civilisation in China. Cambridge, 1962, vol. IV:I, p. 107.

В.М.Алексеев

АНТОЛОГИЯ МАСТЕРОВ КИТАЙСКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ И ПРОЗЫ.¹

(Извлечения. Публикация текста, вступительная часть
и комментарии А.Маслова)

Антология китайской классической поэзии была задумана академиком В.М.Алексеевым в ноябре 1941 г. в эвакуации в Северном Казахстане (Боровое). В своей статье "Мои работы над материалами по истории китайской литературы (1942-1943)" он, в частности, писал: "Вылетев из осажденного Ленинграда 11 ноября 1941 г., я мог по условиям транспорта взять с собой не более двух книг текста и один словарь, с чем я и вынужден был обходиться целый год. Таким образом, я был самым положением вещей осужден на исключительно переводческую деятельность, и я занялся целокупным переводом поэтической и прозаической китайских антологий, рассчитывая этим, во-первых, снять с себя обвинение в намеренном выборе произведений, окрашивающем антологию в разные цвета и оттенки, а во-вторых, предпослать подобные целокупные китайские антологии, выбранные китайцами и использованные ими в течение веков под преподавание своей литературы начинающим начетчикам, учебнику "Истории китайской литературы", план которого и основные установки были мною составлены, заслушаны и одобрены Институтом востоковедения как раз накануне Великой Отечественной войны".²

Следует отметить, что В.М.Алексеев, имея в своем распоряжении крайне ограниченные материалы, блестяще справился с этой нелегкой задачей. Антология "Тан ши свань" была переведена им полностью.³ Переводы выполнены ритмизованной прозой, позволяющей передать на русский язык мелодику построения китайской поэтической фразы. Известно, что В.М.Алексеев собирался прокомментировать стихотворения и дать их парафраз, как это видно из первых пятнадцати переводов, опубликованных лишь в 1978 г.,⁴ но не смог выполнить свое намерение из-за отсутствия справочной литературы, бумаги и, впоследствии, из-за недостаточных возможностей издательства.

Публикуемые здесь "Оборванные строфы" (стихотворения в жанре "цзюецзюй") Цзень Шэня наглядно доказывают необходимость издания этой антологии, с добавлением комментариев и сведений о поэтах,